

УДК 13:82-1
ББК 87.3:84(2)

Н.В. ДЗУЦЕВА
Ивановский государственный университет

«ВЕЧНАЯ ЖЕНСТВЕННОСТЬ» ВЛ. СОЛОВЬЁВА В ЭСТЕТИКО-ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ ВЯЧ. ИВАНОВА

Рассматривается понимание и разработка теоретиком символизма, поэтом и мыслителем Вяч. Ивановым одного из основополагающих понятий философской метафизики Вл. Соловьёва; намечается тенденция расширения и углубления соловьевской философии с проекцией на «эру женского творчества».

In this article the author considers how the theorist of symbolism, the poet and the thinker V.Ivanov understands and develops one of the basic concepts of Vl. Soloviyov's philosophical metaphysics. The author suggests a tendency of expanding and deepening Soloviyov's philosophy with a projection to «Era of female creativity».

Ключевые слова: *женская природа, соловьевское учение, философия творчества, символизм, «женская» поэзия, трагедийное начало.*

Keywords: *the female nature, the Soloviov's doctrine, creativity philosophy, symbolism, «female» poetry, the tragical beginning.*

Философско-эстетические трансформации учения Вл. Соловьёва в русской культуре начала XX века – феномен достаточно известный. Насколько мощно софийно-теургическая проблематика определила творчество ведущих представителей русского символизма, говорится в работах Д.Е. Максимова, З.Г. Минц, А.В. Лаврова, Л.К. Долгополова, П.П. Гайденко, В.В. Бычкова и ряда других отечественных и зарубежных исследователей. Но духовный резонанс явления столь эпохального масштаба вряд ли возможно считать изученным окончательно. И по сей день одной из актуальных задач исследования социокультурной ситуации первой четверти XX века является проблема рецепции и трансформации соловьевского учения, его проникновения в глубинные пласты художественного сознания, определившего новый этап развития русской духовной культуры. И дело не только в том, что соловьевство в начале XX века являло собой наиболее востребованный духовный опыт, который служил своеобразным материалом для оформления как общеромантических, так и индивидуально-поэтических стилевых установок¹. Софийно-теургические волны, истоком своим имеющие, как полагал о. С. Булгаков, не столько философию, сколько поэзию Вл. Соловьёва², проникали – осознанно или нет – в художественное сознание поэтов-современников, тем самым иницируя создание новых семантико-стилистических образований, в свою очередь влиявших и на способ лирического высказывания, и на характер его поэтического содержания. Соловьёвские идеи, определившие направление и смысловую гамму религиозно-философских и собственно художественных исканий первого десятилетия XX века, в сущности, изменили содержание поэтического процесса этих лет – он был отмечен мощным взлетом символизма «второй волны», или «младосимволизма», как его впоследствии стали называть. Вышедшие одна за другой поэтические книги ведущих

его представителей – Андрея Белого («Симфония (2-я, драматическая)», 1902), Вяч. Иванова («Кормчие Звезды», 1903), А. Блока («Стихи о Прекрасной Даме», 1904) – стали убедительным свидетельством освоения и развития соловьевского учения в сфере художественного творчества. «Внешне разительно несхожие между собой, эти три книги в равной мере возвестили о новом эстетическом мировидении, стали своего рода опознавательными знаками начала века, воспринимавшегося и как начало новой, неведомой жизни, новых чувствований и восприятий», – отмечает А.В. Лавров³.

Основополагающие понятия религиозно-философской метафизики Вл. Соловьёва – «вечная женственность» и «теургия» – в эстетико-философском самосознании младосимволизма стали предметом теоретической рефлексии и художественного осмысления, благодаря чему их творческое восприятие и усвоение обрело универсально-синтетический характер, дающий новое представление о природе поэтического творчества и его законах. Кроме того, влияние соловьевских идей заметно актуализировало проблему пола в ее метафизической парадигме, и идея женского начала, женской духовной субстанции осмысляется как путь к постижению верховных начал бытия, к единой вселенской гармонии⁴. «Вечная женственность» как одна из универсалий, открытая и манифестируемая философской эстетикой романтизма и обретшая в духовном наследии Вл. Соловьёва статус основополагающей жизнестроительной идеи и промыслительного символа, демонстрирует свою власть в качестве теургической философии, набирающей новые религиозно-философские и художественные смыслы. Религиозно-философская эстетика символизма, вырастающая из учения Вл. Соловьёва, «вобравшая в себя и шеллингову мировую душу, и “божественную подругу” Данте, и “вечную женственность” Гете, давала символистам своего рода “мифологический код”»⁵.

Один из последователей соловьевского учения, теоретик нового символизма, поэт и мыслитель Вяч. Иванов не стал исключением в этом ряду. Напротив, трудно переоценить тот вклад, который он внес в разработку проблематики соловьевского извода. Именно Иванову принадлежит своего рода откровение о том, что начало новой эпохи отмечено вещим знаком «истины о женщине», что сама женская природа таит в себе мощные стимулы творческого познания мира и человека. Чуткое вслушивание в характер этих духовных интенций приводит его к мысли, что они являют собой «предвестия и предчувствия» «эры женской гениальности». Теоретическая и художественно-философская мысль Вяч. Иванова многое сделала для того, чтобы «соловьёвство» стало основой поэтической практики и эстетической рефлексии для новой фазы развития символизма⁶. Однако при этом здесь явно просматривается и особый, чисто «ивановский» акцент, с которым идея женского начала мира обретает особые символично-философские обертоны, характерные для мыслительной системы Иванова в целом. В чем это выражается, – об этом и пойдет речь ниже.

А.Ф. Лосев, отмечавший в соловьевской философии «мягкий утопический пафос мистически-рационального свободомыслия», делает пронизательное замечание: «Весь этот трактат (“Смысл любви” – *Н.Д.*) волнует нас не только возвышенным характером основной концепции любви, но и чрезвы-

чайно низкой расценкой доступных для бытового человека каких-нибудь реально возможных путей. <...> Тут уже чувствуется трагический разлад проповедуемой высокой идеи и фактически возможного ее достижения»⁷. Эти слова философа могут помочь пониманию той «истины о женщине», которую открывал и разрабатывал Вяч. Иванов. Вслед за Соловьёвым он актуализирует проблему пола как основную в духовном самопознании и самореализации личности, но делает это, уходя от «мистически-рационального свободомыслия» соловьевской теории. «Чувство пола, – считает он, – было чувством всей тайны, подосновою всех боговещих, внечеловеческих переживаний духа. Ибо в то время, как любовь выбирает и обособляет личность, ее корни глубоко уходят в пафос безличного»⁸. Таким образом, в отличие от Соловьёва, именно в архетипических глубинах подсознательных начал Иванов видел значение женского мироощущения в зарождении и формировании нового культурного сознания. По существу, в ивановской философской эстетике намечены и настойчиво акцентированы те моменты психологии творчества, которые станут центром научных интересов К.Г. Юнга. Среди прочего Юнг писал: «Психология творческого индивида – это, собственно, женская психология, ибо творчество вырастает из бессознательных бездн в настоящем смысле этого слова...»⁹. У Иванова читаем: «Переживания экстатического порядка суть переживания женственной части Я, когда Психея в нас высвобождается из-под власти и опеки нашего сознательного мужеского начала»¹⁰.

Уместно заметить, что ивановские интуиции такого рода имели кроме всего прочего и сугубо индивидуальную мотивацию: они были укоренены в свойствах глубоко личностного порядка, и это заметно выделяло его среди современников, причастных к духовным исканиям эпохи. Дело в том, что склад характера «Вячеслава Великолепного», сама его душевная природа отвечали предрасположенности к чуткому и тонкому чувствованию неуловимой духовной материи, связанной с женственностью во всех ее проявлениях. Зависимость ивановской гениальности от одухотворяющего влияния женской субстанции пронизательно отмечает Н. Бердяев, участник ивановских «сред», один из приближенных завсегдатаев знаменитой «Башни»: «...есть в Иванове что-то самое интимное, намекающее на его собственную первожизнь, самое подлинное в нем. Я разумею тяготение всего его существа, всего его творчества к религии женственного божества. Весь творческий облик Иванова дает основание предположить, что корни его существа погружены в эту женственную мистическую стихию, что он и творить может лишь через женственное начало, через прививку женственной гениальности. Об этом говорит очень интересная статья его “О существе трагедии”. Его интимное отношение к женственному – не мужественное отношение, это, скорее, ощущение женственного в себе – как своей собственной зыбкой, но все же бытийственной основы»¹¹.

Можно было бы отнести эти слова Бердяева к «субъективной призме» восприятия им ивановской индивидуальности, но, в сущности, о том же читаем в статье С. Булгакова «Сны Геи», посвященной Иванову. Булгаков считает главной чертой его философско-эстетической рефлексии «интуитивно-женственное проникновение в таинства Геи», отмечая в его творчестве «напор вещего,

женственного, ночного начала», «пассивность», «медиумизм», ведущие к «слабости мужественного, солнечного, самосозидающего духа»¹².

Несмотря на столь авторитетные мнения, нельзя не отметить, что все эти качества творческой личности Вяч. Иванова так или иначе вписывались в общую культуру символизма, акцентируя в ней ее сущностные черты. Сама идеология символизма отвечала прерогативе женского начала мира, что для Иванова является идеей первосущностной, лежащей в основании духовной культуры вообще. «Все женские божественные лики суть разновидности единой богини, и эта богиня – женское начало мира, один пол, возведенный в абсолют», – считает он¹³. Но и в современности, по Иванову, актуализация женского начала становится той основой, на которой вырастает новое культурное сознание, определившее вектор духовно-эстетических исканий эпохи. По его мнению, «в эпохи критические, какова есть современность, открывается подлинная истина о женщине», определяемая не просто принадлежностью к полу. Рассматривая как профанные все формы «женского сепаратизма», Иванов ставит вопрос о метафизической сущности женской природы «как бессознательной хранительницы какой-то сверхличной, природной тайны». В эпоху критическую, считает он, особенно мощно раскрываются и обостряются скрытые ранее за родовой ролью метафизические глубины женской сущности, женской природы, а именно: «большая и иная верность земле и чуткость к ее правде, своеобразная цельность характера, проистекающая из какой-то стихийной нормативности подсознательного бытия»¹⁴. Иванов, в сущности, предугадал, что «вопрос о судьбах женского полового энергетизма в сфере сверхбиологической есть вопрос о сохранении древнейших и священнейших потенций человеческого духа и о возможностях их завершительного проявления, – вопрос о том, иссякнут или нет ключи вдохновения и откровения в мистической жизни человечества, бьющие из самых глубин естества, будет ли грядущее человечество интеллектуальным по преимуществу и потому оторванным духовно от Матери Земли или пребудет верным Земле органическим всечувствованием ее живой плоти, ее глубинных тайных заветов»¹⁵. Трудно не увидеть в этих словах предельно заостренный по отношению к теперь уже нашей современности, к началу двадцать первого века смысл.

И еще один аспект ивановского «акцента» в осмыслении соловьёвской философии: новое понимание «истины о женщине» находится у Иванова в прямой связи с проблемой трагического в искусстве и жизни, что имело, как оказалось, непосредственное отношение к пониманию «настоящего Двадцатого Века» как эпохи катастрофического краха гуманистического сознания и небывалых испытаний человеческого духа. По Иванову, трагедийный дух критической эпохи вызывает к жизни огромный и властный «потенциал женской сущности, трагически разрешающийся в творчестве». Подчеркивая «мощь женского элемента в трагедии» и всячески призывая «эру женского творчества», Иванов, можно сказать, многое предугадал в небывалом поэтическом взлете так называемой «женской» поэзии, выражением которого стало появление ахматовско-цветаевского феномена, наиболее сильно и ярко воплотившем трагическую суть «женской гениальности» в искусстве XX века. «В женской душе с потрясающей силой разверзается то знание, которое составляет психологию

ческий и эстетический принцип трагического, – писал он. – Яркая и крупная женская личность естественно трагична»¹⁶.

Если продолжить ход размышлений Иванова в этом направлении, то нельзя не обратить внимание на предисловие, написанное им к повести его супруги и единомышленницы Л.Д. Зиновьевой-Аннибал «Тридцать три урода» (1907). Именно на этих страницах Иванов цитирует Соловьёва, определяя его словами амбивалентный состав женской души: «начало, “восприимчивое ко злу и лжи не менее, чем к истине и добру”; как определяет Вл. Соловьёв женский принцип»¹⁷. Однако, анализируя повествовательную структуру повести, Иванов, сознательно или нет, но все-таки уходит от приведенных слов Учителя. Он развивает одну из главных идей своей философии творчества – «общий закон нисхождения божественной сущности в условное бытие (мэон) искаженного, искажающего мира». «Тому же закону нисхождения, – пишет он, – подчинена Вечная Женственность, как в ипостаси Красоты, так и в другой своей ипостаси Души Мира, тело которой мы зовем Природою». Как видим, художественная реальность конкретного произведения (которое, надо сказать, Иванов оценивал чрезвычайно высоко) становится для автора предисловия объектом философской рефлексии, корреспондирующей, однако, уже не с соловьевским учением, а с «Вселенским эхо» Вл. Эрнэ¹⁸: «И как юная красавица делается тем, чего от нее ждут, – подобно тому и Природа в своем явлении предстает нам такою, какой вызывает ее человеческий дух: как эхо, откликается она ему на языке обращаемых к ней заклинаний»¹⁹.

Но важно другое. В ведущих образах двух героинь этого произведения Ивановым прочитывается характерное и, может быть, вполне узнаваемое в контексте сегодняшнего взгляда на поэзию XX века противостояние двух начал единой женской субстанции. С одной стороны – начало «действенное, движущееся и творчески-зачинательное», которое воплощает в себе одна из героинь – «волящая Вера», кончающая жизнь самоубийством. Ей противостоит другая героиня, от имени которой и ведется повествование. Это совсем иной лик «вечно-женственного», и к нему Иванов испытывает больше доверия и интереса. В нем высвечивается, по его словам, «полубессознательная, но уже тронутая крутым утренником житейского опыта душа» и в то же время – то неизъяснимое свойство, «что можно было бы назвать ее саном, или идеальным достоинством, на нее возложенным».

Если бы Иванов, который, по словам современника, «приветствовал на своей Башне все молодые дарования», в том числе и Ахматову, захотел бы о ней что-то написать, то с известной вероятностью можно представить себе этот текст именно таким. Особенно если добавить к нему и другие его слова о той же героине: «... начало жертвенное по существу, страдательное, блуждающее, покорствующее <...> но не разбивающееся трагически и не гибнущее, а живучее, пребывающее и, в конечном счете, роковое, победное, судящее и решающее»²⁰. Однако Иванов практически ничего не сказал ни об Ахматовой, ни о Цветаевой, превращающихся на его глазах в истинных поэтов незаурядного дарования и масштаба. Почему на фоне многоликой художественной современности эти две крупнейшие поэтические фигуры не «задели» изощренно-

чуткий эстетический слух «Вячеслава Великолепного», – предмет особого разговора. Тем не менее трудно отказать себе в желании прочесть в ивановских откликах на «женскую» поэзию и «провиденциальную» характеристику феномена, отличающего цветаевскую поэзию. То, что Иванов мог бы сказать о Цветаевой, он увидел в стихах молодой ее современницы, никому тогда, в начале 20-х годов, не известной (впрочем, и сейчас пребывающей в неизвестности) поэтессы Ольги Мочаловой: «...не победу гармонии и высоты, незыблемых, как прежде, мы зовем ныне искусством, но и отчаянно-дерзкую игру с прибором хаоса на крайних отменях разумного сознания»²¹.

В качестве заключения можно отметить, что центральная идея символистской философии, инициированная соловьёвским учением, в эстетико-философской системе Иванова получает новое развитие, во многом предопределившее, как оказалось, поэтическую реальность XX века. Иванов в известном смысле предугадал и обосновал в категориях философской эстетики тот духовный прорыв женской природы, который так ярко и мощно заявил о себе в пост-символистском творчестве, во многом определив роль и масштаб «женской гениальности» в истории XX века. Как никто из его современников, Иванов, говоря его словами, «ждал» и «призывал» наступление «эры женского творчества», видя в этом воплощение тех задач культурного самосознания, которые были поставлены символизмом с его установкой на сверхличные, потенциальные энергии творческого духа.

Примечания

¹ См. об этом: Бычков В.В. Русская теургическая эстетика. М., 2007. С. 489–557.

² «...поэтическое влияние Владимира Соловьёва неуловимее и тоньше, но зато глубже и прочнее, нежели чисто философское» // Булгаков С.Н. Свет невечерний. М., 1994. С. 321.

³ Лавров А.В. Андрей Белый в 1900-е годы: Жизнь и литературная деятельность. М., 1995. С. 65.

⁴ См. об этом: Рябов О. Женщина и женственность в философии Серебряного века. Иваново, 1997.

⁵ Гайденко П. Соблазн «святой плоти»: С. Соловьёв и Серебряный век // Вопросы литературы. 1996. Июль–август. С. 83.

⁶ См. об этом: Асоян Ю. Малафеев А. Открытие идеи культуры: Опыт русской культурологии середины XIX – начала XX века. М., 2000. С. 171–204.

⁷ Лосев А.Ф. Владимир Соловьёв: От социально-исторического утопизма к апокалиптике / Контекст – 1992. М., 1993. С. 153.

⁸ Иванов Вяч. Эллинская религия страдающего Бога / Эсхил. Трагедии. М., 1989 (Лит. памятники). С. 341.

⁹ Юнг К.Г. Психология и поэтическое творчество // К.Г. Юнг. Дух Меркурий. М., 1996. С. 277.

¹⁰ Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 427.

¹¹ Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства / Соч.: В 2 т. М., 1994. С. 399.

¹² Булгаков С.Н. Тихие думы. М., 1996. С. 95, 97.

¹³ Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 413.

¹⁴ Там же. С. 382–383.

¹⁵ Там же. С. 385.

¹⁶ Иванов Вяч. Дионис и прадионисийство. СПб., 1994. С. 255, 306.

¹⁷ Иванов Вяч. Предисловие к посмертному изданию «Тридцати трех уродов» // De visu. 1993. № 9. С. 27.

¹⁸ Иванов дает здесь развернутую ссылку на исследование Вл. Эрнэ «О природе научной мысли».

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Иванов В.И. Предисловие к стихам Ольги Мочаловой // Цит. по: Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 367.

УДК 27-42+179

ББК 86.3+877

С.В. ФЕДОТОВА

Тамбовский государственный университет
им. Г.Р. Державина

ДИСКУРС ОПРАВДАНИЯ: ВЛ. СОЛОВЬЁВ И ВЯЧ. ИВАНОВ

Рассматривается смысловое поле понятия «оправдание» и его изменения: от первоначальных значений в древнегреческом языке новозаветных времен – через различные конфессиональные прочтения реформаторами и католиками – к немецкой философии (Шопенгауэр и Ницше). Основное внимание уделяется анализу дискурса оправдания в творчестве Владимира Соловьёва и Вячеслава Иванова. В результате сопоставления двух дискурсов выявляется их преемственность, основанная на общей стратегии утверждения положительного всеединства бытия и оправдания всех волевых и творческих начал человеческой жизни, ведущих к воссоединению Человека и Бога.

The article proposes one of the possible ways to analyze the semantic ground of concept «justification» and its dynamic changes from the initial meaning in the Greek new Testament's times across the various confession readings by reformers and catholics to the German philosophy (Schopenhauer and Nietzsche). But the main attention is paid to the discourse analysis of justification in Vladimir Solovyov's works and Vyacheslav Ivanov. After comparing two discourses their continuity is coming to light based on the general strategy of allegation of the positive All-Unity being and justification of all volitional and creative sources of human living that lead to the reunion between Man to God.

Ключевые слова: *оправдание, дискурс, положительное всеединство, Шопенгауэр, Ницше, Вл. Соловьёв, Вяч. Иванов.*

Key words: *justification, discourse, positive All-Unity, Schopenhauer, Nietzsche, V. Solovyov, V. Ivanov.*

В постнеклассическом сознании дискурс оправдания не является актуальным. Оправдание Бога, мира и человека воспринимается как метафизические и ригористические метанаррации, расплзающиеся по всем швам под жесткой критикой деконструктивизма. Само слово «оправдание» потеряло в современном узусе свою многозначность и стало общепонятным практически только в одном значении – «доказательства невиновности, снятия вины», т. е. только в юридическом ключе. А ведь нюансов у этого слова достаточно много. Толковый словарь Ушакова определяет «оправдание» следующим образом: 1) *признание правым, поступившим правильно*; 2) *признание невиновным, не заслуживающим наказания, кары*; 3) *признание при известных условиях допустимым, возможным, извинительным, заслуживающим снисходительного отно-*